

В. В. ДАНИЛОВ

Чешский славист Ян Фрчек

Ян Фрчек, крупный чешский славист, родился в 1896 году в семье захудалого трактирщика, умершего, когда мальчику было 14 лет. Условия существования были нелегкие, и Фрчек, будучи учеником реального училища, зарабатывал средства к жизни преимущественно игрою в оркестре в кинематографах и по ресторанам.

Как окончившему реальное училище, ему после поступления на Фило-софский факультет Карловского университета в Праге пришлось держать экзамены за курс гимназии. В университетские годы опять надо было зарабатывать на жизнь музыкою. В Праге почти не было кинематографа, ресторана, кафе и даже пивной, где бы Фрчек когда-либо не играл. Так он жил двойною жизнью: по ночам, часов до двух — музыка, днем — универ-ситетские занятия.

В 1920—1921 годах Фрчек плавал в качестве музыканта на французских океанских пароходах «Лафайет» и «Франция», совершавших рейсы между Европой и Америкой, много раз бывал в Нью-Йорке, на Кубе, в Мексике, в Испании, что способствовало изучению им иностранных языков.

Возвратившись на родину, Фрчек в 1922 году получил степень доктора философии, специализировавшись в чешском и французском языках.

Затем началась его педагогическая работа. Фрчек был преподавателем средних школ в Праге, Брно, Вене и лектором чешского языка в Националь-ной школе живых восточных языков в Париже. Одновременно он органи-зовывал концерты славянской музыки в Сорбонне, лекции чехословацких профессоров во Франции и лекторские курсы чешского языка в Лилле, Бордо и Лионе.

В Париже Фрчек стал заниматься славистикою у профессора Мейе (Meillet) и по его совету изучать глаголический памятник «Синайский евхологий»,¹ один из основных источников древнеславянского языка. Пло-дом этого было издание «Euchologium Sinaiticum. Texte slave avec sources grecques et traduction française», вышедшее в Париже в 1933 и 1939 годах, в серии «Patrologia Orientalis».²

«Синайский евхологий», хранящийся в библиотеке монастыря св. Ека-терины, на Синайской горе, впервые был издан в 1882 году хорватским

¹ Новогреческое *το ευχολόγιον* — молитвенник; переводится также церковным тер-мином «требник».

² «Синайский евхологий. Славянский текст с греческим оригиналом и французский перевод», в серии «Восточная патрология». На русском языке см. статью акад. Н. С. Державина «Euchologium Sinaiticum (К вопросу о времени происхождения памят-ника)» в «Сборнике статей и исследований в области славянской филологии». (М.—Л., 1941, стр. 215—231).

славистом Гейтлером,¹ но издание это не вполне исправное. Кроме того, памятник сам по себе недостаточно вразумителен из-за плохого перевода его с греческого языка. Фрчеку удалось найти греческие оригиналы к значительной части «Синайского евхология», на основании которых он внес правки в издание Гейтлера.

Достоинством труда Фрчека являются греческие параллели, критический аппарат и французский перевод текста, благодаря которым «Синайский евхологий» сделался доступным для изучения.

Недостаток труда состоит в том, что, не имея в руках ни оригинала «Синайского евхология», ни фотоснимков с рукописи, Фрчек положил в основу издания тот же несовершенный текст Гейтлера, сделав в нем исправления согласно с лингвистическими данными.

Это обстоятельство вызвало в 1941 году новое издание «Синайского евхология», на основании фотографических снимков, совершенное люблянским славистом Райко Нахтигалем. Тем не менее работа Фрчека и после этого не потеряла научного значения. Кроме издания текста памятника, Фрчек посвятил ему несколько статей лингвистического и археологического содержания.

Из других работ Фрчека отметим статью «Современное развитие литературного русского языка как факт культуры языка» в сборнике, изданном в 1937 году проф. Милошем Вейнгартом под названием: «Славянские литературные языки в настоящее время».

Статья посвящена памяти Максима Горького. Фрчек говорит о новых течениях в советском языкознании, о влиянии на литературный язык Горького, Ленина и Сталина, о борьбе с иностранными словами, о сокращениях и освещает языковую политику советской власти, в частности, реформу орфографии. Фрчек приходит к выводу, что из тяжелых революционных испытаний русский язык вышел здоровым и крепким в своей основе.

В 1939 году Фрчек представил в Славянский институт в Праге работу под названием (в русском переводе): «Задонщина. Древнерусская элегия о битве русских с татарами. 1380 г. Литературно-историческое исследование и критическое издание текстов».²

Некоторые выводы, к которым Фрчек пришел в своей работе, не могут удовлетворить нас; но освещение «Задонщины» как памятника художественного заслуживает внимания уже потому, что никто до Фрчека не говорил о художественности «Задонщины» так подробно и с таким интересом к этому произведению, как он.

«Как явление художественное, — пишет Фрчек, — „Задонщина“ всю свою архитеконику, композиционную технику, поэтическими образами и искусными речевыми средствами показывает, что она выросла на основе зрелой словесной культуры и культурной традиции. Достоинства „Задонщины“ предполагают ее отношение к старшей русской словесной культуре».

«По своему строю „Задонщина“ стоит в ряду воинских повестей, принадлежит к литературному виду, достаточно выразительно представленному в древнерусской литературе, форма которого в то время, когда возникла „Задонщина“ была уже выработана. Эта форма сказывалась

¹ «Euchologium, glagolski spomenik manastira Sinai brda («Евхологий, глаголический памятник монастыря Синайской горы»).

² Zádónština. Staroruský žalospěv o boji rusů s tatary r. 1380, Rozprava literární dějepisná. Kritické vydání textů Napsal dr. Jan Frček, Práce Slovanského ústavu v Praze, Svazek XVIII, V Praze, 1948, 260 стр.

в средневековой литературе в более или менее постоянных и привычных оборотах и схемах, переходивших из одного произведения в другое. Разновидность таких повестей мы находим в нашем памятнике».¹

Работа Фрчека была принята Славянским институтом к печати, была отредактирована и даже набрана, но осталась в матрицах, так как не могла появиться во время фашистской оккупации Чехословакии. 5 июня 1942 года Фрчек был арестован, а 8 июня казнен.

Фрчек погиб как жертва фашистского террора в связи с убийством обер-фюрера Гейдриха. Но незадолго перед тем его допрашивали о содержании и направлении статьи «Современное развитие литературного русского языка», и, надо думать, эта сочувственная и доброжелательная статья имела какое-то влияние на преждевременную смерть ученого, погибшего в расцвете творческих сил.

Профессор Иосиф Курц говорит в некрологе Фрчека: «Это была для нас тяжелая рана, и мы ощущаем ее особенно теперь, когда после шести суровых лет мы снова свободны и строим новую культурную жизнь. Смерть Фрчека прежде всего чувствует чешская славистика. Теперь, когда мы стоим уверенно перед новым размахом славянских изучений и когда мы без колебаний глядим на действенное славянское сотрудничество, когда столько надежд питаем по отношению к своему великому восточному союзнику, нам будет крайне недоставать слависта и в особенности руссита Фрчека».²

¹ Zádouštica, стр. 117.

² Casopis pro moderní filologii, 1946, ноябрь, № 1, стр. 1.